

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Научная статья

УДК 1(091)

EDN: WCWCCB

doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-15

ПРИНЦИП НАРОДНОСТИ В НАУКЕ В ТРУДАХ СЛАВЯНОФИЛОВ

Ольга Александровна Мартынова

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

martoa@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальность исследуемой проблемы связана с рядом факторов: обострением проблемы социальной значимости науки и ее роли в реализации национальных интересов, проблемой роли субъекта научного познания, переосмыслением роли национального мировоззрения. Цель работы – анализ и систематизация взглядов славянофилов на народность и ее роль в научном познании. *Материалы и методы.* Источниковой базой исследования являются труды А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, П. В. Киреевского, К. С. Аксакова, Ю. Ф. Самарина. Основной метод исследования – системный и комплексный анализ текстов. *Результаты.* Прослежены теоретические истоки принципа народности в русской науке и философии начала XIX в., выделены аспекты народности как свойства познающего субъекта, обозначена эмпирическая основа изучения славянофилами свойств русского народа, выявлены признаки русского мировоззрения, выделяемые славянофилами. *Выводы.* Народность в науке начала и середины XIX в. была обусловлена экономическими, политическими, а также духовными причинами, являясь, с одной стороны, общеевропейской тенденцией, с другой – национальным явлением. Славянофилы считали народность как свойством познающей мысли, так и предметом изучения. Народность как свойство познающей мысли придает национальный колорит любому знанию, его способам достижения и результатам, помогает рассмотреть объект с определенного ракурса, зависящего от культурных традиций, в которых вырос познающий субъект. Это идет вразрез с объективностью как принципом науки, но укладывается в современную славянофилам тенденцию субъективизации познания. В изучении народности мыслители ссылались на эмпирические факты и философские построения. В своих теориях они исходили из национального понимания диалектической методики и романтической науки: онтологизма, синтеза различных видов знания, социальной значимости науки. Понимание народности они считали важным условием развития знания и улучшения жизни общества.

Ключевые слова: наука, романтизм, славянофильство, онтологизм, народность, народность в науке, менталитет, национальное мировоззрение, русское мировоззрение

Для цитирования: Мартынова О. А. Принцип народности в науке в трудах славянофилов // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 3. С. 159–170. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-15 EDN: WCWCCB

HISTORY OF PHILOSOPHY

Original article

THE PRINCIPLE OF NATIONALITY IN SCIENCE IN THE WRITINGS OF THE SLAVOPHILES

Olga A. Martynova

Penza State University, Penza, Russia

martoa@mail.ru

Abstract. *Background.* The relevance of the problem under study is related to a number of factors: the aggravation of the problem of the social significance of science and its role in the realization of national interests, the problem of the role of the subject of scientific knowledge, rethinking the role of national worldview. The purpose of the work is to analyze and systematize the views of Slavophiles on nationality and its role in scientific knowledge. *Materials and methods.* The source base of the work is the works of A.S. Khomyakov, I.V. Kireevsky, P.V. Kireevsky, K.S. Aksakov, Yu.F. Samarin. The main research method is a systematic and comprehensive text analysis. *Results.* Russian philosophy and science traced the theoretical origins of the principle of nationality in Russian science and philosophy of the early 19th century, highlighted aspects of nationality as properties of a cognizing subject, outlined the empirical basis for the study of the properties of the Russian people by Slavophiles, identified the signs of the Russian worldview, highlighted by the Slavophiles. *Conclusions.* Nationality in science at the beginning and middle of the 19th century was determined by both economic, political, and spiritual reasons, being, on the one hand, a pan-European trend, on the other – a national phenomenon. Slavophiles considered nationality to be both a property of cognitive thought and a subject of study. Nationality, as a property of cognitive thought, gives a national flavor to any knowledge, its methods of achievement and results, helps to consider an object from a certain angle, depending on the cultural traditions in which the cognitive subject grew up. This goes against objectivity as a principle of science, but fits into the modern trend of subjectivization of knowledge by Slavophiles. In the study of nationality, thinkers referred to empirical facts and philosophical constructions. In their theories, they proceeded from a national understanding of dialectical methodology and romantic science: ontologism, synthesis of various types of knowledge, and the social significance of science. They considered the understanding of nationality to be an important condition for the development of knowledge and the improvement of society.

Keywords: science, Romanticism, Slavophilism, ontologism, nationality, nationality in science, mentality, national worldview, Russian worldview

For citation: Martynova O.A. The principle of nationality in science in the writings of the Slavophiles. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(3):159–170. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-15

Славянофильская наука и принцип народности в ней развивались в определенных культурных и исторических условиях. С одной стороны, они были частью общеевропейской тенденции. В конце XVIII – начале XIX в. наряду с универсально-позитивистским формировалось романтическое направление в науке. К этому времени стало ясно, что науки, изучающие человека, требуют особой методики [1, с. 420]. И. Кант и его последователи подняли вопрос активности субъекта познания, Фр. Шеллинг и Г. Гегель разработали диалектическую методику, немецкие романтики использовали в своих стихах исторические сюжеты, Ф. де Шатобриан, О. Тьерри, Фр. Гизо изучали историю своего народа, Г. Гуго и Фр.-К. Савиньи искали истоки существующих законов. XIX в. называют веком истории, из чего видно, насколько среди ученых был силен интерес к истории, традициям и культуре общества. Многогранность

и динамичность общества и вовлеченность исследователя породили такие особенности науки, как изучение прошлого с целью объяснения настоящего и будущего, что часто приводило к произвольному отбору фактов и стремлению «подправить» прошлое, намерение передать не столько факты, сколько дух и атмосферу эпохи, чему способствовало сращивание научных знаний с художественными и религиозными [2, с. 36–40]. В силу экономических и политических причин для данной эпохи характерен расцвет национальных государств, а революционные и военные потрясения поставили вопрос о роли личности и народа в истории. Поэтому для гуманитарных наук характерен интерес к национальным особенностям и их влиянию на политические события.

С другой стороны, формированию и развитию принципа народности способствовал ряд внутренних факторов. Война 1812 г. и последовавшие за ней политические события подвели итог многолетнего «перехода культуры на прием», начатого реформами Петра I. Вопреки расхожему стереотипу, славянофилы понимали необходимость этих реформ и отмечали их положительные последствия. Так, Ю. Ф. Самарин называл прием европейской культуры «школой, сквозь которую мы должны были пройти» [3, с. 542]. Однако именно славянофилы первыми увидели цену, которую Россия за это заплатила, – разрыв элиты и народа, забвение образованными людьми собственной духовной культуры. Поэтому наука воспринималась как нечто глубоко чуждое народу, а русский народ считался неспособным к познанию. Н. А. Елагин вспоминал: «...в высшем обществе, воспитанном на французский лад, неверие считалось признаком либеральности, а православие едва ли не служило синонимом невежества» [4, с. 106].

Таким образом, новейшие тенденции европейской мысли – противопоставление свободного человека детерминированной природе, соединение фактов с эстетикой и науки с религией, интерес к истории, внимание к народной стихии – были созвучны с задачами, стоящими перед русской мыслью: формированием государственной идеологии, поиском национальной идентичности, привлечением внимания к научным и философским проблемам. Славянофилы переосмыслили европейский опыт и создали на его основе национальную мысль. Они, по словам Н. А. Бердяева, «были теми русскими людьми, которые стали мыслить самостоятельно, которые оказались на высоте европейской культуры, которые не только усвоили себе европейски-всемирную культуру, но и пытались в ней творчески участвовать»¹. Серьезную роль в формировании их взглядов сыграл принцип народности.

В своем толковании истины и пути ее достижения славянофилы исходили из ряда установок. В первую очередь это онтологизм – познавательная установка, исходящая из реальности или необходимости «бытийственного», целостного вхождения познающего человека в существующее в целях подлинного его познания. Он выражается в вере в существование абсолютной истины. «Истина – не временщик и от времени не зависит, – писал К. С. Аксаков, имея в виду, очевидно, истины и ценности христианские. – Что мне за дело, что такая-то идея теперь торжествует. О ее ложности и неложности сужу я на основании требований истины независимой» [5, с. 459]. Еще одна сторона онтологизма – единство субъекта и объекта познания. Славянофилы подхватили развивающиеся со времен И. Канта мысли об активности субъекта познания и о необходимости особой методики в гуманитарных науках, где субъект совпадает с объектом. Познание для них – не просто получение информации, но и преобразование объекта, и работа субъекта над собой. Так, изучая историю своей страны, народ может разрешить проблемы настоящего и улучшить свое будущее. Поэтому цель исторических исследований – поиск в истории истоков и смысла современной жизни.

Еще одна установка, на которой славянофилы строили свои теории, – цельное знание. Для постижения истины субъекту нужен синтез всех его познавательных способностей. Для А. С. Хомякова это рассудок, воля и вера. Для Ю. Ф. Самарина – разум, воля и любовь. И. В. Киреевский говорит о естественном и верующем разуме, проходящем три стадии –

¹ Бердяев Н. А. Алексей Степанович Хомяков // Предание : сайт. URL: <https://predanie.ru/book/69674-aleksey-stepanovich-homyakov/#/toc7> (дата обращения: 13.05.2025).

«чина»: рассудок, чувства и веру. Из этих способностей только рассудок дает объективное знание, к которому стремится наука. Другие же познавательные способности требуют развитых личностных качеств, воспитанных в том числе народом, к которому принадлежит познающий. Всякий акт познания, по Ю. Ф. Самарину, отражает в себе не только свойства объекта, но и свойства познающего субъекта – в первую очередь его «народность», т.е. особый склад ума и способ воззрения на предметы, воспитанные в условиях определенной среды и определенной культурной традиции. Цельное знание включает не только науку, но и другие виды познания: обыденное, художественное, религиозное. Эта мысль тоже взята из европейской романтической науки, призывавшей объединить факты и законы красоты, однако в силу того, что в России наука не имела длительной истории и сформировавшихся традиций, славянофилы, с одной стороны, понимают разницу и границы между ними, с другой – не видят препятствий к их взаимопроникновению или мирному сосуществованию. Так, И. В. Киреевский говорит, что православная церковь никогда не преследует ученого за открытия, идущие вразрез с догматикой, у ученого, в свою очередь, возникает желание не опровергнуть церковные догматы, а согласовать с ними новые знания, поэтому развитие науки не может уничтожить веру и не является поводом для сомнения в откровении. Поэтому «главный характер верующего мышления заключается в стремлении собрать все отдельные части души в одну силу, отыскать то внутреннее средоточие бытия, где разум и воля, и чувство, и совесть, и прекрасное, и истинное, и удивительное, и желанное, и справедливое, и милосердное, и весь объем ума сливается в одно живое единство, и таким образом восстанавливается существенная личность человека в ее первоизданной неделимости»¹.

С помощью принципа цельности знания обосновывается и принцип народности. Так, желая показать роль национального начала в науке, Ю. Ф. Самарин вспоминает, что искусство (например, поэзия) совсем недавно тоже считалось выражением объективных законов красоты, одинаковых для всех поэтов и читателей. В настоящее время, продолжает мыслитель, все поняли односторонность этого подхода, мешающую понять красоту произведения. Так, «не создал бы "Божественной комедии" Данте, если б он не был итальянцем и католиком... что Гёте был одним из полнейших проявлений германского духа. Наконец, со времени появления между нами Гоголя, мы уразумели, что он сам как художник своеобразен и велик именно потому, что его воспитала Россия, а не другая народная среда» [3, с. 429]. Почти идентичные мысли высказывает и К. С. Аксаков, приводя в пример Гомера и У. Шекспира. Отдавая дань романтической традиции, часть своих исторических произведений А. С. Хомяков пишет в стихах. Из этого видно, что между наукой и искусством не делается принципиальной разницы, они видятся как элементы единого истинного знания. Славянофилы, таким образом, становятся яркими выразителями особенности русской мысли, которую позже отметит В. Шубарт: «Теология и антропология, религиозная философия и историческая наука для него [русского философа] не противоречат друг другу, а рассматривают с противоположных сторон один и тот же предмет» [6, с. 125].

Еще одна основа теории славянофилов – соборное единство познающих, в котором «нет различия между грамотеем и невеждою, церковником и мирянином, мужчиною и женщиною, государем и подданным, господином и рабом; где, когда это нужно, по усмотрению Божию, отрок получает дар видения, младенцу дается слово премудрости, безграмотный пастух обличает и опровергает ересь своего ученого епископа, дабы все были едино в свободном единстве живой веры, которое есть проявление Духа Божия» [7, с. 96]. Так в философии славянофилов преломляется мысль о коллективном субъекте познания, высказанная немецкими философами. Свой вклад с соборную истину вносит не только каждый человек, но и каждый народ. Люди и народы существуют в соборном единстве человечества как органы в организме. Из этого следуют выводы русских мыслителей о принципе народности. Во-первых, опыт и его осознание у каждого народа уникальны, поэтому нет никаких оснований полагать, что один народ развит выше другого и имеет право навязывать свой собственный

¹ Киреевский И. В. О верующем разуме // Азбука веры : сайт. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Kireevskij/overuyushem-razume/#source (дата обращения: 13.05.2025).

путь другим народам. Так, вывод об отсутствии у России истории и прогресса может показаться справедливым, если подходить к российской истории с тех же позиций, что и к европейской; однако, если отбросить уверенность в европейском пути развития как единственно правильном, становится ясно, что не каждая культура обязана переживать те же события и процессы, которые пережила Европа. «Есть один закон, по коему образуется человечество, – но в каждом народе ход сего образования изменяется вследствие разных внешних обстоятельств» [8, с. 1], – отмечал М. П. Погодин. Этот вывод впоследствии лег в основу теории культурно-исторических типов, разработанной Н. Я. Данилевским: «Общечеловеческого не только нет в действительности, но и желать быть им – значит желать довольствоваться общим местом, бесцветностью, отсутствием оригинальности – одним словом, довольствоваться невозможной неполнотой. Иное дело – всечеловеческое... оно и состоит только из совокупности всего народного, во всех местах и временах существующего и имеющего существовать; оно несовместимо и неосуществимо в какой бы то ни было одной народности» [9, с. 149]. Во-вторых, через понимание других народов можно лучше узнать о своем. Так, историю и современное состояние России славянофилы анализировали через ее сопоставление с Европой, долгое время игравшей для них роль «другого». В-третьих, народ только тогда может внести вклад в мировую сокровищницу знаний, когда отказывается от бездумного повторения чужих достижений и решается стать самим собой.

Таким образом, народность важна в науке (в особенности в тех отраслях, что изучают человека как культурная традиция, в рамках которой воспитывается и творит каждый отдельный ученый, и как уникальный опыт и ракурс рассмотрения, вносящий вклад в копилку знаний человечества. Принцип народности – цель и средство познания, включающего синтез науки, искусства, религии, житейского опыта. Понимание своей народности не только приближает народ и человечество к истине, но и помогает сделать жизнь лучше.

Итак, субъект сам выбирает объект познания, методы исследования и ракурс рассмотрения проблемы. Народность присуща каждому человеку, как и личностные качества. Поэтому национальность и культура ученого напрямую влияют на цели и ход научного познания, а также на его результаты. «Оттого-то, хотя Италия сделала много для науки, хотя немало сделала и Франция (особенно в науках опыта), хотя бесконечны заслуги Англии и Германии; но во всех этих странах наука является с иным значением, в ином виде и со своим бытовым характером», – писал А. С. Хомяков [10].

Для того, чтобы национальная наука (и каждый ученый, как ее представитель) смогла внести ощутимый вклад в поиск абсолютной истины, она должна действовать от лица своего народа и в его интересах. Факты, необходимые для исследования, анализа и практического применения, стоит брать из народной жизни. Славянофилы видят эту тенденцию в европейской науке. Так, по словам Ю. Ф. Самарина, «учение физиократов, раскрывших участие производительных сил земли в образовании народного богатства, должно было возникнуть во Франции, а меркантильная школа – в Англии» [3, с. 435]. По мнению А. С. Хомякова, российская наука не справляется с этим, работая с европейскими материалами. Например, «в сравнительных таблицах питательности, издаваемых в России, найдешь сарачинское пшено и едва ли не саго, а не найдешь гречихи, которой питается почти вся Россия» [10]. Не только материалы для исследования, но и задачи науки должны отражать нужды народа и соответствовать национальным интересам: изучать строительство не только летних, но и зимних дорог; «агрономы наши толкуют о гуано и Либиховых компостах и не могли придумать, что барда, весьма часто пропадающая даром при сильных винокурениях, могла бы служить весьма сильным и полезным удобрением» [10]. В этих рассуждениях игнорируется тот факт, что выбор материала для исследования – вопрос скорее не этнической принадлежности, а места жительства ученого, однако проблема социального заказа в науке и служба ее национальным интересам выделена достаточно четко и остается актуальной по сей день. Славянофилы сами собрали большое количество материала, позволяющего изучать жизнь и нужды русского народа.

Таким образом, народность проявляется даже в естественных науках. В гуманитарном познании это усугубляется непосредственным участием субъекта в изучаемых событиях либо в их отголосках. Подтверждением этого Ю. Ф. Самарин считает факт, что «открытия в области механики, естественных наук и усовершенствования в материальном быту перенимаются просто и бесспорно. Но не так легко обходится дело при усвоении лучшей доли умственного наследства» [3, с. 431]. Это проявляется в следующем. Славянофилы в лучших традициях романтической науки полагали, что в гуманитарном познании серьезную роль играют иррациональные (или, скорее, сверхрациональные) способности – интуиция, воля, воображение, вера. Русские мыслители не говорят напрямую о методах «вживания» и «вчувствования», однако о неполноте рассудочного познания они рассуждали довольно много. Эти способности формируют определенную картину мира, культуру, в которой народности принадлежит важное место. Так, Ю. Ф. Самарин был уверен: «русскому... дух нашей истории, мотивы нашей поэзии, весь ход и все настроение народной жизни откроется яснее и полнее, чем французу, хотя бы последний овладел вполне русским языком и такою массою материалов, какою никогда не располагал ни один русский ученый» [3, с. 435].

При изучении человека и общества к изучению и анализу фактов примешивается ракурс рассмотрения проблемы и точка зрения на нее. Так, изучая историю Реформации, Ю. Ф. Самарин делится выводами: «Боссюет, католик и француз,.. смотрел на Реформацию как на уклонение человеческого разума от нормального пути и объяснял ее вторжением страсти и произвола в область вечной, общечеловеческой истины. Немецкие и английские историки, протестанты по вероисповеданию или по образованию, смотрят на то же явление как на блистательную победу, одержанную духовною свободою человека над ограниченностью средневекового религиозного сознания» [3, с. 429]. Эта особенность приводит к двойным последствиям. С одной стороны, исследователь, вовлеченный в процесс, который он изучает, сможет разглядеть больше его нюансов. В указанном примере католик сможет описать и осмыслить «психологические условия, вызвавшие явления западного католицизма» [3, с. 433], протестант же проанализирует и объяснит «двигательную силу, смысл и дух Реформации» [3, с. 434]. С другой стороны, находясь внутри процесса, ученый видит его однобоко, а значит недостаточно полно. Для полной и более объективной картины нужен взгляд со стороны, от того, «кто не участвовал в борьбе, не заразился возбужденными ею страстями и, по возвышенности своей точки зрения, стоит над сторонами, ведущими между собою спор» [3, с. 436]. Продолжая рассуждения об исследовании Реформации, Ю. Ф. Самарин предполагает, что объективный взгляд на данный процесс может обеспечить православный ученый. Здесь славянофилы точно подметили сложности, с которыми сталкивается наука в стремлении сохранить объективность знания. Однако вместо того, чтобы бороться с проявлениями субъективности ученого, способными исказить научную истину, мыслители предлагают принять эту субъективность и усугубить ее, добавив к научному познанию элементы обыденного, художественного и религиозного. Подобное понимание, с одной стороны, способствует выявлению факторов развития науки (признавая влияние экономики и политики на научные открытия, основное внимание славянофилы все же обращали на духовную жизнь и менталитет народа), с другой – подталкивает науку к зависимости от этих факторов, что может сделать ее орудием идеологии. Впрочем, эту особенность отмечали и сами славянофилы, не считая ее пороком. К. С. Аксаков, говоря об исторических трудах, четко разграничивал два их типа: историю, состоящую в хронологически последовательном и документально точном изложении фактов, и историческое исследование, главная цель которого – поиск в истории истоков и смысла современной жизни. К. С. Аксаков и его единомышленники полагали, что поиск истоков явлений современности и понимание национальных интересов – первоочередная задача для современной им науки. Об этом говорит и Н. М. Громов: «Славянофилы были тенденциозны, это нельзя отрицать, но настолько, насколько тенденциозны любые первопроходцы, основатели новых учений, несущие в себе энергию порыва» [11, с. 127].

Народность определяет не только факты, на которых основывается изучение объекта, но и методику научного познания. Среди славянофилов укрепилось мнение, что «французы, по особенному складу своего ума, были, по преимуществу, призваны раскрыть процесс постижения путем опыта, исчерпать процесс образования понятий из ощущений, передаваемых путем внешних чувств; а Гегель... высвободил, уяснил и облек в наукообразную форму те понятия, которые лежали как элементы в народном сознании» [3, с. 435]; английская наука «никогда не умела ещё отделять законов факта от его случайностей», а немецкая «довела себя до состояния чисто аналитической машины, утратившей всякое живое сознание фактов» [10]. Наблюдения эти в целом правдивы, однако несколько поверхностны. С достижениями естественных наук, базирующихся на механистическом материализме и опирающихся на данные наблюдений и экспериментов, славянофилы были знакомы по трудам французских просветителей, а методику наук о человеке взяли у немецких классиков. Однако выводы о преимущественной склонности французов к эмпирическим, а немцев к рациональным методикам были сделаны на основании современных данных, с которыми русские мыслители ознакомились, не углубляясь в историю европейской науки. Также мыслители были уверены, что для науки всех европейских народов характерна общая черта – односторонность. Сосредоточение на одном виде познания – научном – и на одной группе методов, делает знание неполным, а достижение истины невозможным. Именно Россия, изучив и переосмыслив опыт Запада, может создать цельное знание и приблизиться к абсолютной истине. Эта возможность обусловлена особенностями русского народа, изучению которых славянофилы уделили пристальное внимание.

«Народность есть личность народа. Точно так же, как человек не может без личности, так и народ без народности. Личность не только не мешает, но она одна и дает возможность понять вполне и свободно другого человека, другие личности. Так точно и народность одна дает возможность народу понять другие народности» [5, с. 199]. Эти слова К. С. Аксакова очень точно характеризуют славянофильскую позицию по вопросу национальных особенностей и их роли в жизни человека и народа. Особенности национальных характеров были важнейшим предметом их изучения, а поиск собственной народной идентичности – главной целью познания. В своих трудах мыслители подмечали особенности мировоззрения европейских народов. Так, Ю. Ф. Самарин в «Письмах из Риги» делился наблюдениями за местными немцами, сравнивая их с другими европейскими народами: «Англичане и французы гордятся своими подвигами, своими законами, своими победами, и потому, если другой народ на всех этих поприщах сравнивается с ними, они, может быть, и не полюбят его, но, по крайней мере, в состоянии будут признать его себе равным или достойным соперником. Немец же доволен тем, что он немец; более ничего не нужно для его славы, и это одно в его глазах ставит его выше всех племен. Немцем же, кто не имел счастья родиться им, никто не делается» [3, с. 540]. А. С. Хомяков отмечает, что именно в силу своего национального менталитета, основанного на жажде материальной выгоды, евреи не смогли разглядеть Спасителя в нищем странствующем проповеднике Иисусе. В отличие от большинства своих современников славянофилы не строили иллюзий о вхождении России в семью европейских народов. Все славянофилы полагают, что европейские народы уже постигли свою идентичность и потому «хлопочут не о народном воззрении, а об истине», и потому во многом берут за образец европейский путь рассмотрения народности, состоящий в изучении истории, фольклора и традиций своего народа.

Славянофилы собрали большое количество материала для изучения русского народа, его истории и мировоззрения. Показателен пример П. В. Киреевского, который «с палкою в руке и котомкой на плечах отправился странствовать пешком по нашим селам и деревням... неутомимо собирая народные песни, пословицы, сказанья, изучая народный быт и нравы, стараясь разглядеть и понять обломки давно прошедшей народной русской жизни» по Новгородскому, Валдайскому, Деминскому и Осташковскому уездам, а также «от Чудского

озера до Волыни и Сурожа, от литовского Берестья до Вязьмы и под Можайск»¹. Его увлечение, ставшее делом жизни и заложившее основу этнографических экспедиций, со временем разделили многие просвещенные дворяне. Н. М. Языков привозил песни из Симбирской и Оренбургской губерний, А. С. Пушкин пополнял коллекцию псковскими песнями, Н. В. Гоголь привез в Москву и Петербург народное творчество Малороссии, А. В. Кольцов – песни Воронежской губернии, С. П. Шевырев – Саратовской, К. Д. Кавелин – Тульской и Нижегородской, В. И. Даль – Приуралья, И. Я. Якушкин – Костромской, Тверской, Тульской, Калужской и Орловской. В результате было собрано более тысячи песен (опубликованы, к сожалению, далеко не все). К. С. Аксаков на основе сохранившихся фрагментов песен, сказок и исторических текстов практически воссоздал весь известный на данный момент эпос о богатырях эпохи князя Владимира. И. В. и Н. П. Киреевские опубликовали в журнале «Москвитянин», а впоследствии издали отдельной книгой работу митрополита Макария «Жития схиигумена Паисия Величковского» (прототипа старца Зосимы в «Братьях Карамазовых»). С 1847 г. под руководством старца Макария до его кончины в 1860 г. при непосредственном участии супругов Киреевских в Оптиной пустыни было издано шестнадцать книг на русском и древнеславянском языках. Впоследствии И. В. Киреевский продолжил труды своего первого духовного наставника иеромонаха Филарета (Пуляшкина), готовившего к печати славянское «Добротолюбие» – собранные старцем Паисием творения святых отцов.

Еще один объект изучения славянофилов – русский язык. Изучение его, как и сбор древнего фольклора, был для них своеобразной формой «хождения в народ» и попыткой воссоединения народа и элиты. Славянофилы справедливо считали язык воплощением народного мировоззрения и исторического опыта. Изучая русскую грамматику, К. С. Аксаков, а также В. И. Даль, М. Н. Катков, Н. П. Некрасов, Н. И. Богородицкий, а еще раньше – И. Фатер и А.-В. Таппе (большинство из них не были славянофилами, однако сходство мыслей говорит о том, что последние, с одной стороны, опирались на научные труды, а с другой – нашли последователей среди ученых), полагали, что к ней не применимы германские правила, а потому методика изучения русского языка должна быть разработана заново. В центре внимания данных исследователей были времена глагола, а точнее, по их убеждению, их фактическое отсутствие. «Русский глагол управляется с категориею времени совершенно самостоятельно и вовсе не похоже на глаголы других языков. Если мы вздумаем искать времен, известных нам из иностранных грамматик, – мы останемся неудовлетворенными. В самом деле, прежде всего поражает нас то, что прошедшего времени в нашем языке нет вовсе. Русский язык не считает действия прошедшего за действие, – пишет К. С. Аксаков. – Будущее принимает такой вид, что будущим назвать его нельзя. ...формы глагола, часто употребляемые для выражения будущего, не могут называться формами будущего времени, ибо часто употребляются и в прошедшем и в настоящем»². Б. Н. Гаспаров справедливо полагает, что славянофилы и близкие им ученые, сосредоточившись на изучении глагола, не уделяют внимания другим частям речи, что сужает круг их исследований и обедняет выводы [12, с. 36]. Однако нельзя забывать, что лингвистика как наука в те времена делала первые шаги, не могла сразу охватить широкий круг проблем и потому сконцентрировалась на вопросах, лежащих на поверхности, и общих определениях предмета и метода.

Также славянофилы знамениты трудами по русской истории. По словам К. С. Аксакова, главным недостатком трудов старшего поколения было полное невнимание к национальным особенностям русского народа и его истории. Даже русские историки, бывшие, несомненно, патриотами, по его мнению, изображали русскую историю так, что в ней русского, собственно, ничего не было видно. Говоря о России, они стремились не объяснить различия России и Европы, а сгладить их, что не соответствовало фактам. Славянофилы изучали

¹ Половцов А. А. Русский биографический словарь. Т. 8 (Киреевский, Петр Васильевич) // Азбука веры : сайт. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/russkij-biograficheskij-slovar-tom-8/1081> (дата обращения: 13.05.2025).

² Аксаков К. С. О русских глаголах // Lib.ru/Классика : сайт. URL: http://az.lib.ru/a/aksakow_k_s/text_1855_o_russkih_glagolah-1.shtml (дата обращения: 13.05.2025).

знаменитых личностей, внесших вклад в русскую историю, таких как Иван Грозный, Ермак, Лжедмитрий I, Борис Годунов, Петр I, М. В. Ломоносов, Стефан Яворский, Феофан Прокопович, Паисий Величковский; ключевые события истории России: призвание варягов, Смуту, реформы Ивана Грозного и Петра I; явления, формирующие на протяжении истории русскую идентичность: историю православной церкви, западную экспансию и т.д.

Богатейший материал для изучения народности давала славянофилам и повседневная жизнь России. А. С. Хомяков, С. Т. Аксаков, П. В. Киреевский были хозяйствующими помещиками, знавшими правила и быт крестьян. И. В. Киреевский служил смотрителем Белевского уездного училища, Ю. Ф. Самарин был чиновником Министерства внутренних дел (занимался организацией управления и самоуправления курляндских и эстляндских земель), А. И. Кошелев служил в департаменте духовных дел иностранных вероисповеданий, а затем – предводителем дворянства Сапожковского уезда Рязанской губернии, М. Н. Погодин преподавал в Московском университете. Все они достаточно подробно описывали быт крестьян, мещан и дворянства, выделяли острые социальные проблемы (массовую неграмотность, пьянство, неэффективное управление хозяйством, бюрократию), характеризовали межнациональные отношения на окраинах (в частности, писали о притеснениях русских со стороны прибалтийского дворянства, ориентированного на немецкую культуру).

Собирая и перерабатывая материал о русской истории и культуре, славянофилы опирались в том числе и на современных им ученых. П. В. Киреевский сотрудничал с польским этнографом З. Доленга-Ходаковским и малороссийским фольклористом М. А. Максимовичем, а также с московскими профессорами И. М. Снегиревым и А. Ф. Мерзляковым. К. С. Аксаков, исследуя русский глагол, отмечает лингвистические исследования М. В. Ломоносова и А. Х. Востокова. В своих исторических работах славянофилы часто ссылались на труды И. Г. Байера, Г. Ф. Миллера, Л. А. Шлецера, М. В. Ломоносова, Н. М. Карамзина, а также современных им мыслителей – Т. Н. Грановского, С. М. Соловьева, М. Н. Погодина. В поиске основ русской культуры И. В. Киреевский опирается на работы Фр. Гизо.

Справедливо ли упрекать славянофилов в намеренном замалчивании и искажении фактов? З. А. Каменский занимает по этому вопросу достаточно жесткую позицию. Многие исследователи творчества мыслителей отмечают, что в поисках национальных особенностей русского народа и особого пути развития России они часто идеализируют российскую историю и современность и игнорируют факты, указывающие на их несовершенства. Так, отмечая отсутствие песен о периоде «монголо-татарских разрушений»¹ и положительный образ Ивана Грозного в народном творчестве, П. В. Киреевский не упоминает о протестных мотивах, звучащих в русских песнях. Говоря о крестьянской общине и православной церкви, мыслители отмечают их положительные черты, практически не упоминая о недостатках или списывая эти недостатки на стороннее вмешательство. Многие современники и исследователи (среди них В. С. Соловьев) отмечали, что основоположники славянофильства указывали на реальные недостатки Западной Европы, а взамен предлагали идеальное устройство России (можно даже сказать, что они противопоставляли «плохую» Европу «хорошей» России). Признавая тенденциозный отбор фактов славянофилами, стоит отметить, что этому есть ряд объяснений. Во-первых, как отмечал К. С. Аксаков, малое количество и слабая изученность источников, а также недоработанная методика гуманитарного исследования делают невозможным на данный момент всестороннее и объективное знание. Во-вторых, сам принцип народности, которого придерживались славянофилы, в основе своей не предполагает объективности. Не только каждый человек, но и каждый народ смотрит на действительность с определенного ракурса сквозь призму определенного опыта, поэтому знание, независимое от субъекта, – такая же химера, как «человек вообще» и «гражданин мира». В-третьих, цельное знание, к которому стремились славянофилы, не предполагает принципиального разграничения научного знания с обыденным, художественным и религиозным. Поэтому объек-

¹ Половцов А. А. Русский биографический словарь. Т. 8 (Киреевский, Петр Васильевич) // Азбука веры : сайт. URL: <http://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/russkij-biograficheskij-slovar-tom-8/1081> (дата обращения: 13.05.2025).

тивность знания в глазах славянофилов не являлась непреложной ценностью. В-четвертых, поставив перед собой задачу выявить особенности русского народа и особый путь России, они закономерно сосредоточились на фактах, которые эти особенности подчеркивают. Наконец, стоит отметить, что, отбирая факты, которые «имеют лишь значение оправдания задним числом принятого взгляда» [13, с. 69], философы обращались с данным материалом очень аккуратно, не допуская искажения информации, сравнивая источники и принимая во внимание их происхождение. Поэтому, не будучи в полном смысле учеными, они все же не были и проповедниками антинаучного знания, тем более что гуманитарные науки того времени делали первые шаги и еще не освободились полностью от художественных элементов и субъективности.

Славянофилы не разработали собственные методики познания, однако в своих исследованиях и поисках активно пользовались известными на тот момент и используемыми в гуманитарных науках методами. Среди них можно выделить сбор информации при помощи наблюдения (сюда можно отнести как наблюдения окружающей жизни, так и сбор фольклора в прообразе экспедиции, изучение языка и диалектов), сравнение и описание данных (так, П. В. Киреевский, обрабатывая собранные песни, создавал так называемый сводный текст, выбирая из имеющихся вариантов один в качестве основного и дополняя его отдельными строчками или отдельными словосочетаниями из других вариантов, обязательно оговаривая при этом каждое изменение и указывая его источник) [14, с. 49], системный и комплексный анализ информации, аналогию (славянофилы часто проводили ее, сравнивая русскую жизнь с западной), идеализацию (они часто оперировали общими понятиями «крестьянская община», «православная церковь», «Европа» и др.), восхождение от абстрактного к конкретному (метод этот в те времена еще не был детально разработан, но именно его, по сути, использовали мыслители-славянофилы, занимаясь делом своей жизни, – наполняли конкретным содержанием абстрактное понятие – «русский народ»).

На основании собранной информации и провозглашенных установок славянофилы выделяют некоторые признаки русского мировоззрения. П. В. Киреевский в результате наблюдений за крестьянами делает вывод: «Едва ли есть в мире народ певучее русского. Во всех почти минутах жизни русского крестьянина, и одиноких, и общественных, участвует песня; почти все свои труды, и земледельческие, и ремесленные, он сопровождает песнею. Он поет, когда ему весело, поет, когда ему грустно. Когда общее дело или общая забава соединяет многих, – песня раздается звучным хором; за одиноким трудом или раздумьем, ее мелодия, полная души, переливается одиноко» [14, с. 51]. Исследуя временные характеристики русского глагола, анализируя их размытость, смешение прошлого, будущего и настоящего времени, К. С. Аксаков делает вывод о такой черте русского характера, как приоритет внутреннего над внешним, содержания над формой, сущности над деталями. Для русского человека важно не время совершения действия, а его суть и факт его совершения. Изучая историю, славянофилы отмечают миролюбие русского народа. Подтверждением этого они считали факт (опровергнутый современной наукой, но считавшийся достоверным в XIX в.), что даже государственную власть как источник легитимного насилия славяне призывали извне. На протяжении всей своей истории Россия, по словам А. С. Хомякова, «воевала только вынужденно» [15, с. 56], спасаясь от набегов татар на востоке и юге и от немецкой и польской экспансии на западе. Продолжением миролюбия русского народа мыслители считают его терпимость, как религиозную, так и светскую, способность признавать преимущества других народов и учиться у них новому. В подтверждение этой черты они приводят множество исторических фактов: допущение влияния католического вероучения в Киево-Могилянской академии из-за необходимости привлечения ученых; легализацию ордена иезуитов и учреждение Белорусской католической епархии Екатериной II из-за желания населения западных губерний сохранить свою церковь и свой образ жизни; многочисленные потакания российского правительства остзейским дворянам и купцам, постоянно требующим уступок на основании документов, часто противоречащих друг другу. Еще одной особенностью русского мировоззрения мыслители считают преданность родной земле. Ю. Ф. Самарин, выражая общую для

славянофилов позицию по поводу происхождения крепостного права, так характеризует этот процесс и эту особенность: «У нас помещик занял землю, которую правительство назначило ему в кормление; земля же была нераздельна с личностью земледельца; она была издревле крепка ему... право помещика, обусловленное служебными обязанностями и потому подкрепленное правительственною силою, перетянуло и распространилось, вследствие причин, независимых от чьей-либо воли, от земли на земледельца, который, к счастью, предпочел утратить свободу, чем землю, и не дал себя оторвать от нее» [3, с. 510]. Также неотъемлемой чертой русского мировоззрения славянофилы считали коллективизм, соборное единство людей. Подтверждение этого мыслители видели в «демократичности» русской жизни и сознания (К. С. Аксаков, пересказывая былины, заостряет внимание на социальном составе служащих при князе Владимире: «...и Ставр, богатый боярин, и Алеша, сын попа, и Иван, сын гостя (купца), и наконец Илья Муромец, крестьянин» [5, с. 76]), совещательных традициях (они приводят много фактов, подтверждающих существование совещательных органов – вече в Древней Руси и Земского Собора в Московской России) и длительном и эффективном существовании общины. Именно эти особенности делают русский народ способным осуществить мировое единство народов и сыграть свою уникальную роль в мировой истории и постижении истины.

Список литературы

1. Гайдено П. П. История новоевропейской философии и ее связи с наукой. М. : Пер Сэ, 2000. 456 с. EDN: [SJPGER](#)
2. Савельева И. М., Полетаев А. В. История и интуиция: наследие романтиков. М. : ГУ ВШЭ, 2003. 50 с.
3. Самарин Ю. Ф. Православие и народность / сост., предисл. и коммент. Э. В. Захарова ; отв. ред. О. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2008. 720 с.
4. Можарова М. А. «У нас есть отечество»: братья Иван и Петр Киреевские о России // Русско-Византийский вестник. 2022. № 2 (9). С. 99–124. doi: [10.47132/2588-0276_2022_2_99](https://doi.org/10.47132/2588-0276_2022_2_99) EDN: [QBJDRQ](#)
5. Аксаков К. С. Государство и народ. М. : Институт русской цивилизации, 2009. 608 с. EDN: [QWUUKV](#)
6. Шубарт Ф. Европа и душа Востока / пер. с нем. М. В. Назарова, З. Г. Антипенко. М. : Русская идея, 2003. 495 с. EDN: [QOCCQT](#)
7. Хомяков А. С. Сущность западного христианства. Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу брошюры Г. Лоранси. Монреаль : Изд-во Русской православной церкви за границей, 1974. 208 с.
8. Погодин М. Н. Исторические афоризмы. М. : Университетская типография, 1836. 128 с.
9. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / сост. Н. Саркитова. М. : Терра-Книжный клуб, 2008. 816 с. EDN: [QPKOVN](#)
10. Хомяков А. С. Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова. В 3 т. Т. 1: Статьи и заметки разнородного содержания. М. : Тип. Лебедева, 1878. 768 с.
11. Громов М. Н. Славянофильство: историософский аспект // История философии. 1999. № 4. с. 125–134.
12. Гаспаров Б. М. Лингвистика национального самосознания (Значение споров 1860–1870 гг. о природе русской грамматики в истории философской и филологической мысли) // Логос. 1999. № 4 (14). С. 48–67.
13. Каменский З. А. Философия славянофилов. Иван Киреевский и Алексей Хомяков : монография. СПб. : Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 2003. 536 с. EDN: [QWEZWP](#)
14. Юдина В. И. Дело всей жизни... К истории песенного собрания Петра Киреевского // Вестник славянских культур. 2022. № 63. С. 44–54. doi: [10.37816/2073-9567-2022-63-44-54](https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-63-44-54) EDN: [BNDFCL](#)
15. Хомяков А. С. Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова : в 3 т. Т. 3: Записки о всемирной истории. М. : Унив. тип. (М. Катков), 1882. 540 с.

References

1. Gaydenko P.P. *Istoriya novoeuropeyskoy filosofii i ee svyazi s naukoy* = *History of modern European philosophy and its connections with science*. Moscow: Per Se, 2000:456. (In Russ.)

2. Savel'eva I.M., Poletaev A.V. *Istoriya i intuitsiya: nasledie romantikov = History and intuition: the heritage of the romantics*. Moscow: GU VShE, 2003:50. (In Russ.)
3. Samarin Yu.F. *Pravoslaviye i narodnost' = Orthodoxy and nationality*. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii, 2008:720. (In Russ.)
4. Mozharova M.A. "We have a fatherland": brothers Ivan and Peter Kireevsky about Russia. *Russko-Vizantiyskiy vestnik = Russian-Byzantine Herald*. 2022;(2):99–124. (In Russ.). doi: [10.47132/2588-0276_2022_2_99](https://doi.org/10.47132/2588-0276_2022_2_99)
5. Aksakov K.S. *Gosudarstvo i narod = State and people*. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii, 2009:608. (In Russ.)
6. Shubart F. *Evropa i dusha Vostoka = Europe and the soul of the East*. Translated from German by M.V. Nazarova and Z.G. Antipenko. Moscow: Russkaya ideya, 2003:495. (In Russ.)
7. Khomyakov A.S. *Sushchnost' zapadnogo khristianstva. Neskol'ko slov pravoslavnogo khristianina o zapadnykh veroisповедaniyakh. Po povodu broshyury G. Loransi = The essence of Western Christianity. A few words from an Orthodox Christian on Western faiths. Concerning the brochure by G. Launcy*. Monreal': Izd-vo Russkoy pravoslavnoy tserkvi za granitse, 1974:208. (In Russ.)
8. Pogodin M.N. *Istoricheskie aforizmy = Historical aphorisms*. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1836:128. (In Russ.)
9. Danilevskiy N.Ya. *Rossiya i Evropa = Russia and Europe*. Moscow: Terra-Knizhnyy klub, 2008:816. (In Russ.)
10. Khomyakov A.S. *Polnoe sobranie sochineniy Aleksey Stepanovicha Khomyakova: v 3 t. T. 1: Stat'i i zametki raznorodnogo soderzhaniya = Complete works of Aleksei Khomyakov: in 3 volumes. Vol. 1: Articles and notes of various content*. Moscow: Tip. Lebedeva, 1878:768. (In Russ.)
11. Gromov M.N. Slavophilism: historiosophical aspect. *Istoriya filosofii = History of philosophy*. 1999;(4):125–134. (In Russ.)
12. Gasparov B.M. Linguistics of national self-awareness (The significance of the debates of the 1860s–1870s about the nature of Russian grammar in the history of philosophical and philological thought). *Logos = Logos*. 1999;(4):48–67. (In Russ.)
13. Kamenskiy Z.A. *Filosofiya slavyanofilov. Ivan Kireevskiy i Aleksey Khomyakov: monografiya = Philosophy of the Slavophiles. Ivan Kireevsky and Aleksei Khomyakov: monograph*. Saint Petersburg: Izd-vo Rus. Khristian. gumanit. in-ta, 2003:536. (In Russ.)
14. Yudina V.I. The work of a lifetime... On the history of the song collection of Pyotr Kireevsky. *Vestnik slavyanskikh kul'tur = Herald of Slavic cultures*. 2022;(63):44–54. (In Russ.). doi: [10.37816/2073-9567-2022-63-44-54](https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-63-44-54)
15. Khomyakov A.S. *Polnoe sobranie sochineniy Aleksey Stepanovicha Khomyakova: v 3 t. T. 3: Zapiski o vsemirnoy istorii = Complete works of Aleksei Khomyakov: in 3 volumes. Vol. 3: Notes on world history*. Moscow: Univ. tip. (M. Katkov), 1882:540. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

О. А. Мартынова – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социальных коммуникаций, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1328-823X>

O.A. Martynova – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Communications, Penza State University, 40 Krasnaya street, Penza, 440026. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1328-823X>

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /
The author declares no conflict of interests**

Поступила в редакцию / Received 19.05.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.06.2025

Принята к публикации / Accepted 30.07.2025